

18+

Михаил Гиршовский

2019

Сочиненное и найденное

Михаил Гиршовский

2019. Сочиненное и найденное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50762373

ISBN 9785449820259

Аннотация

Это не книга в том смысле, в каком говорится «книга стихов». Это подборка стихов по календарному признаку, опубликованная книгой. Тексты написаны одним автором, и поэтому в какой-то мере это всё же книга. Автор считает, что здесь есть, чего почитать. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Тексты 2019 по большей части в порядке, обратном написанию	5
«От развилки к развилке ветвится...»	5
«В курсе ли труп, что был человеком?..»	7
«Город в хлопьях шампанского...»	8
«Ломая раму осторожен будь...»	9
НЕОЖИДАННО ДЛЯ МЕНЯ ЗАКОНЧЕНА КНИЖКА	10
«Я не читал «Тошнóту» Сартра...»	11
«Не мешай вора́м воровать...»	12
«И список лошадей прочтён до середины...»	13
«Растёт из линии строки...»	14
«Мы живы и после потопа...»	15
«Пока в судьбу мир не свернулся...»	16
ПОЙМИ-КА СКЛАДКИ НА КОРЕ	17
«Ещё один пазл сошелся...»	18
ПАВЛОВУ АЛЕКСАНДРУ, ПРОЩАНИЕ	19
БУРИМЕ ОТ LENA WALKER	20
МЕЖДУ ПИОНЕРСКОЙ И ВЕНЦЕКА НА ЧАПАЕВСКОЙ	21
ВАЛЕНТИНУ ИРХИНУ	23
«Заканчивается жизнь здорового мужика...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

2019

Сочиненное и найденное

Михаил Гиршовский

© Михаил Гиршовский, 2020

ISBN 978-5-4498-2025-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это не книга в том смысле в каком говорится «книга стихов». Это подборка стихов по календарному признаку, опубликованная книгой.

Тексты написаны одним автором, и поэтому в какой-то мере это всё же книга. Автор считает, что здесь есть, чего почитать.

Тексты 2019 по большей части в порядке, обратном написанию

«От развилки к развилке ветвится...»

От развилки к развилке ветвится
След, оставленный линией жизни,
Это значит – нельзя воротиться,
Надо топтать внимательно к тризне.

Бифуркации рифмой на линии
Размножают возможности – все проживи!
И вершинные и долинные
(стыдные, лишние, самые длинные)
Угрызеньями совести на крови.

Переходы, в развилках возможные,
Инкарнациями называют.
Богом данная сила безбожная
Переносит путями трамвайными.

Только совесть сгрызает развилку.
Бесконечным становится путь
Во все стороны всех измерений.

Предыдущий маршрут позабудь —
С чередой всех поколений,
Со страстями, уходами, смертью —
Тебя нет там сейчас ни чуть-чуть
С потрохами со всеми – всё – здесь ты.

Ты хотел прихватить самых близких,
И мечтая, держась за былинку
Практик памяти и судьбы,
Осознанием сжигая горилку
Этой линии, чтобы – бы.
Если бы. Но ведь есть же маршруты недалгие,
Те, где рельсы проложены так,
Есть. Работай, крути педаль.
Ничего не теряя. Чудак.

Только память твоя однобока,
Повернешься, держась за былинку,
Ни звезды в черноте и ни блика,
И не слышно звучание тонкое
Неизвестно чего, а могло бы быть.

И стараешься логикой резать
На ломти целокупное Есть,
Бьют задорные ересь и дерзость
Вечный холод стараясь согреть.

«В курсе ли труп, что был человеком?..»

В курсе ли труп, что был человеком?

Убит он..

Разумом скуп, обведён мелом, был упитан.

А может, упитым.

Разберётся доктор,

Паталогоанатом, специалист.

А в курсе ли труп, кто он, уже не важно.

В нём не живёт даже глист.

Или сожгут его,

Или черви съедят..

Чего он знает?

Чего он помнит, пока из него дух отлетает?

Так,

Тик-так да тик-так – Новый Год наступает

«Город в хлопьях шампанского...»

Город в хлопьях шампанского,
Шапки снега на крышах,
Ночь прозрачна и ласкова.
С Новым Годом, Миша!

1975—76

Ничто не предвещало расставанья,
Но жизнь в тот год решала за меня. —
На небе щёлкнуло, и я любовь забанил,
И понеслась на много лет хуйня.
Однажды я забрал права админа
У жизни, у судьбы и у небес.
Не всё, совсем не всё восстановимо,
Но дров хватает, раз попёрся в лес.

«Ломая раму осторожен будь...»

Ломая раму осторожен будь.

Там может быть и продолжение картины
и ничего.

Зависит от тебя,

во что ты выберешь поверить
и с этой верой жить и умирать,
пока не выберешь другую.

И это – каждый миг
без сна.

НЕОЖИДАННО ДЛЯ МЕНЯ ЗАКОНЧЕНА КНИЖКА *«ЕЩЁ РАЗ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ*

««Человек, забывший памятование, в это мгновение на это мгновение отпадает от Бога, сам себя изгоняя из Рая.

««Что сильнее любовной страсти ослепляет нас поколения за поколениями так, что всё забываем, от Истины отплывая? – Не знаю.

««Знаю – эта же страсть возвращает, сразу, как только любимое тело сердцем увидится тайной, Божественной и непознаваемой тайной.

ТАК НЕОЖИДАННО для меня закончена книжка через 30 лет. С эпиграфом «И рече безумен в сердце своём «несть Бог». Называлась она и называется: «Ещё раз Первая Любовь (Эхо тепла)». Был текст в четырнадцати, а теперь это текст в пятнадцати субтекстах.

«Я не читал «Тошнóту» Сартра...»

Я не читал «Тошнóту» Сартра
А «Меланхолия» совсем здесь ни при чем.

Когорта эта лицами тошнóту вызывает
Что делать? Что во мне рифмует с ними
меня?
Давно не пионера.

Где зеркало смотреть перед собою
себя смотреть насквозь?

И выbleвать последнего*) мерзавца..

*) «последний» – конечно характеристика мерзости,
а не очерёдности

«Не мешай вора́м воровать...»

Не мешай вора́м воровать,
И тебя не прикончат в подъезде.
«Не-не-не», – что за ёбтворююмать?
И кого ты предал без лести?

Чернота – пыльной лампочки свет,
И чердак над площадкой ненужной.
Домик с садиком – тысячу лет
Мчался свет. А ведь это – окружность.

Площадь с ёлками и высотки домов
Четырёх и пяти-этажных,
Снег кру́тится и выюжится в памяти снов,
обнаживших забытый загашник.

Линий множество – плоскость и даже объём.
Место выжить или не выжить.
Вой позёмку кру́тит и ночью и днём.
Всё.
Живём.
Навсегда.
Рифма – надо жить.

«И список лошадей прочтён до середины...»

И список лошадей прочтён до середины.
И ставить нечего.
И с ипподрома прочь.
И снова час бессонный брошен в ночь.
Никчемные понты прекрасны и картинны.

Нас увлекает нарратив,
Рассказ со смыслами как будто
И пересказ прочтённых чтив,
Расписанный нам поминутно,

И порождает бурю чувств,
Задетых вспомненным событием
В незнающем структур мозгу,
Всегда дрейфующем в подпитье.

Ну, так взлетай, ныряя в звезду,
Напейся вдрызг, храня рассудок,
Сквозь всё попробуй протрезветь.
Проснись, и будет тебе чудо.

«Растёт из линии строки...»

Растёт из линии строки
Неведомо чего
Мне объяснять вам не с руки
Ей-Богу, это так,

Клубится чушь, роняя смысл,
Роится танец слов.
И автору не угадать,
Что вырастет из них.

Он чувствует чего-то там,
Вплетает это в звук,
Ему-то это хорошо,
А каково читать?!

Совет мой прост,
Как та мораль:
Игнор, расфренд
И бан.

«Мы живы и после потопа...»

Мы живы и после потопа,
Бухи и наги, как Ной,
Это нас дождалась Пенелопа.
Входи, только ноги омой.
Здесь воздух души,
Им и дыши,
Сияя босой головой.

«Пока в судьбу мир не свернулся...»

Пока в судьбу мир не свернулся,
Пока дышу и «а» и «о»,
И бьется аритмия пульса —
Есть тот, кто знает: «Повезло».

Удачи полные штаны —
Смеялись, пили, танцевали,
Смотрели, забывая, сны.
Ах, трали-вали, трали Вали..

ПОЙМИ-КА СКЛАДКИ НА КОРЕ

А выжив оттуда, откуда не знаю,
Ах нет, там не плохо, не знаю и хорошо ль,
Стараюсь понять простыми словами,
Что ж это, всё-таки, такое?

Наверняка тем, кто ест грибы и курит кальяны,
Это желанье известно, а не один только кайф.
А лучше всех это чувство знают
Закрытые в сумасшедших домах.

Не все же они косят от долгов и армии,
Есть же боги, наполеоны, гиганты —
Я встречал на улицах и тех и других и дружил.
И у них тоже у каждого свой мир.

А клубятся тела неотмаянных мною душ,
Словно Гаргантюа у Гюстава Доре,
Или Лотрековый Мулен Руж,
Или складки и линии у дерева на коре.

«Ещё один пазл сошелся...»

Ещё один пазл сошелся.
Ещё один друг – стукач.
Не гаснет от этого Солнце,
В горле не рвётся плач.

Привычка принять всё нормальным
Погодным, таким как есть,
Может быть и печальна,
А есть.

Мне берedit и бродит —
Зачем мне опять урок?
Чего-то в моей природе
Такое находит рок.

Господи! Как занудно-
Тоскливы эти пасьянсы.
Вечно, среди многолюдья,
Вышагиваю стансы.

ПАВЛОВУ АЛЕКСАНДРУ, ПРОЩАНИЕ

я не верю в вечность тела
я не верил в вечность тела
я не буду в это верить
это вовсе ни к чему

есть бессмертия сценарий
его надо наработать
это память
но не обо
мне
обычном человеке

это вижу чую слышу
что ещё потом узнаю
я совсем не тороплюсь

это память
моя память
может быть бессмертной в мире
это смерть мне не убьёт

БУРИМЕ ОТ LENA WALKER

*И вот слова все сказаны. Погасли свечи.
И сердце застучало в темноте*

И на язык идут слова не те
А эти. И лучше промолчать, а не калечить
Общевой лексикой людей, а в сущности – детей
Не выбиравших – ухнувших, как с горки, в вечность

МЕЖДУ ПИОНЕРСКОЙ И ВЕНЦЕКА НА ЧАПАЕВСКОЙ

Вы смотрите на хлеб и видите еду,
Готовую быть съеденной без масла.
А я сегодня ну, никак, —
Мне запах память отворил
И в детство и в стихи о детстве,
В которых этот запах смешан был с двадцатым съездом,
Со сказками в подвале про убийства,
Которые шептали мы друг другу,
Не отличая Черного Монаха от Сталина.
И слушая со страхами шаги
На первом этаже,
Как-будто те шаги из памяти родителей и дедов.
И тени от Луны и фонарей оконными решетками пугали,
А пуще шопот наш друг другу пугал нас.
А при чем тут запах?! —
А пахло хлебом, белым хлебом.
Такого мы не ели
Раньше никогда,
Круглый пышный, а вовсе не кирпичик.
И не хочу писать «двадцатый съезд» с букв прописных.
Пусть всё сольётся в строчке —
И переваренный без масла хлеб,
И съезды, съевшие своих же делегатов,

И вечное всплывающее нАверх
Всего, что переварено, но нЕ уничтожимо,
Джон Донн и спящий мир, и шествие.
Откройся мир за этим всем! – ты есть,
И только шесть проклятых чувств тебя скрывают верой.
Я есть – и это дверь. Иду.

ВАЛЕНТИНУ ИРХИНУ

Из века в век перетекая
Волнуется вода святая.
Несёт волна не знай чего
Раствором сердца своего.
Ныряй в себя в свой самый низ,
Ты не утонешь, не боись.
Там тишина, там всё одно —
Хлеб и причастия вино.
Не надо есть, не надо пить,
А можно просто просто жить,
Оттуда внешний мир судьбе
Чёрт знает что чёрт знает где.
И друг исчезнувший – всё друг.
И сердце не внутри – вокруг.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СКЛАДКАМ НА КОРЕ

Высказывания разной степени осмысленности,
рифмованные и не рифмованные – что это?

Последовательности слов из словарей, не произнесённые
вслух...

Паузы и разрывы, слышные даже при чтении глазами –
это разрывы чего?

Нащупай, произнеси, назови, подвинься.. Смотри – это
буквы, и как ты знаешь, что за ними что-нибудь есть?

И как ты знаешь – есть что именно?

Забудь не забывая – что это? о чём это? а ведь понятно!

Это – тебя обидело, а то – нет, хотя по жизни – пиздец.
Что это?

Улыбаешься? – Да, улыбаюсь, уставши стебаться,
серьёзен, совсем не уныл.

Узнаю, не узнаю – не важно. А ты?

«Заканчивается жизнь здорового мужика...»

Заканчивается жизнь здорового мужика.
Начинается жизнь старика.
Не меняется ничего в мире снов.
Ты не там, я не здесь, мы одно.

Там – не знаю чего, а здесь канитель
Одного и того же у всех.
В двух словах – еда и постель,
В четырёх – ещё куча помех.

Спешка, ссоры, удачи, до гроба любовь,
И конечно, пульсирует кровь,
Торопясь равномерно, вздымая любовь,
Возбужденно волнуя мне кровь.

И стучит в ушах и пятнится в глазах,
В брюхе спазмами чок да чик,
Дрожь под кожей во всех мясах.
Ей плевать – старик, не старик.

Ивритское יֵעָקֹב [Йаакóв] является глаголом в будущей форме третьего лица мужского рода и переводится « (ОН) БУДЕТ СЛЕДОВАТЬ, ПОСЛЕДУЕТ»

Википедия

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.